

№ 184 Det. 1828

О. И. К.
ч 4а
43.

Сия!

Книга принадлежит

С. Левъ

детск

Пенкина
47/9г

20к

инв. 8388

2 Мид 97

6/4

НЕЗАБУДКА.

ДѢТСКІЙ АЛЬМАНАХЪ
НА 1829 ГОДЪ.

Съ 8 картинками.

La bonne éducation rectifie le mauvais naturel.

Изд. *Г—й К—въ.*

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

ПЕЧАТАТЬ позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, 1828 года, Августа 4 дня. Въ должности Предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета *Сергѣй Аксаковъ*.

Продается у книгопродавца Василья Логинова, на Никольской улицѣ.

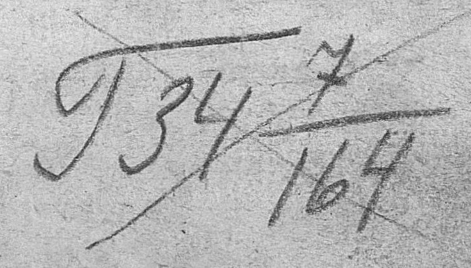
ВСѢМЪ ДѢТЯМЪ,

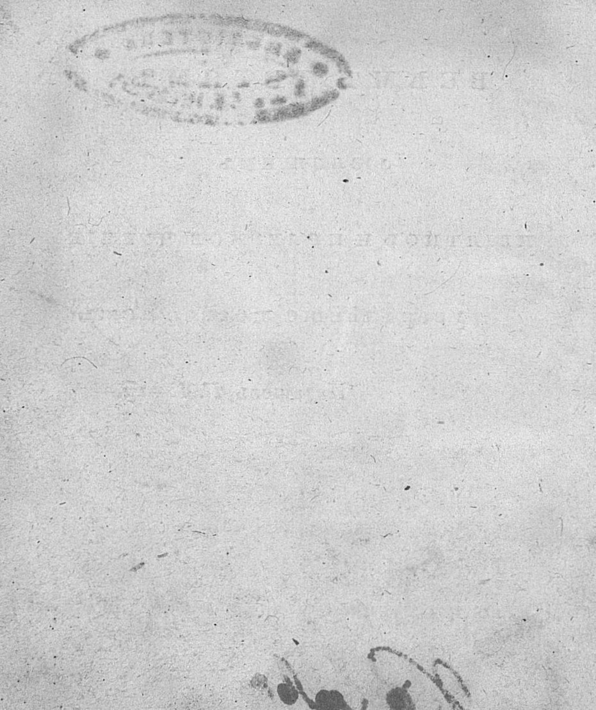
ЛЮБЯЩИМЪ

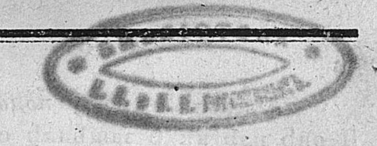
ПРІЯТНОЕ И ПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

усерднѣйше посвящаетъ

Издатель *Г. К—въ.*

НЕЗАБУДКА.

АЛЬМАНАХЪ на 1829 годъ.

КАРТОЧНЫЙ ДОМИКЪ.

(Съ картинкою).

Забавны басни и умны!
Не только басня—побасёнка
Научитъ мужа и ребёнка!...
Не тронувъ ропотной струны,
Мы басни дѣтямъ посвятили.—

Малюткѣ карты подарили;
И онъ изъ нихъ затѣялъ строить домъ
На столикѣ передъ окномъ....
Трудится онъ.... уже состроилъ....
Вотъ домъ готовъ...
Ахъ! сколько радостныхъ часовъ
Малютка ждалъ...но все разстроилъ
Порхнувшій вѣтерокъ въ окно...
Домъ развалился!
Благоразумный мужъ! что еслибъ ты пустился
За чаровательной мечтой
И точно также обманулся,
Какъ мой малюточка въ сей басенкѣ простой?
Но... ты ужь вѣрно усмѣхнулся!

КТО ИМѢЕТЪ ДОБРЫХЪ ДѢТЕЙ,

ТОГО БЛАГОСЛОВИЛЪ ГОСПОДЬ.

Равви, благословишь ли ты меня? говорилъ Исаакъ своему учителю Намону.

Охотно, отвѣчалъ мудрецъ; но прежде я разскажу тебѣ апологъ, который, какъ мнѣ кажется, можетъ быть примѣненъ къ твоей просбѣ.

Одинъ странникъ, давно уже блуждавшій въ пустынѣ, наконецъ, изнемогая отъ жажды и голода, упалъ на безплодную землю. Онъ былъ близокъ

къ отчаянію, какъ вдругъ усмотрѣлъ дерево, коего сучья пріятно распространялись.

Не далеко отъ дерева протекалъ прозрачный источникъ. Странникъ собралъ свои, почти истощившіяся, силы, достигъ наконецъ до дерева, ѣлъ плоды его; утолилъ жажду свою водою изъ прозрачнаго источника, и отдохнулъ въ тѣни вѣтвистаго дерева отъ усталости трудной дороги.

Намѣреваясь удалиться отъ дерева, сказалъ онъ съ чувствомъ благодарности: чего, любезное дерево, пожелать мнѣ тебѣ? пожелать ли, чтобы плоды твои были сладки? они уже та-

ковы; чтобы въ тѣни твоей усталый странникъ могъ успокоиться? это уже бываетъ; чтобы прохладный источникъ вытекалъ не далеко отъ твоего корня? и въ семъ не имѣешь ты недостатка. И такъ, что же мнѣ тебѣ пожелать? нечего, кромѣ одного: чтобы нѣкогда отпрыски твои походили на тебя.

Примѣненіе сего аполога, сынъ мой, не трудно. — Богъ даровалъ тебѣ богатство, мудрость и сыновей; ты поставленъ другимъ учителемъ въ законѣ; какая превосходная участь! мнѣ остается тебѣ пожелать, чтобы твои сыновья были тебѣ подобны.

Справедливо говорятъ: кто имѣетъ добрыхъ дѣтей, того благословилъ Господь.

Съ Нѣмец. *А. Лазаревъ.*

ГОВОРУНЪ.

(Историческій анекдотъ).

Грекъ, великій говорунъ, выдававшій себя за философа, путешествовалъ по Скитіи, гдѣ всѣ смѣялись надъ нимъ. Господа, сказалъ онъ, вы должны бы меня уважать: я родомъ изъ Платонова отечества. Одинъ изъ жителей Скитіи отвѣчалъ ему: говори, какъ Платонъ, если хочешь, чтобы тебя уважали, какъ нѣкогда его.

Съ Франц. *В. Астафьевъ.*

РАЗГОВОРЪ

Кардинала Ришелье съ своимъ каммердинеромъ.

Извѣстно, что Кардиналъ Ришелье былъ чрезвычайно недовѣрчивъ, какъ всякой, который знаетъ, что его нельзя любить.

Одинъ только его каммердинеръ Дезнойе долженъ былъ ночевать у него въ спальной; но всякой разъ прежде, нежели Кардиналъ ложился спать, осматривалъ онъ всѣ углы въ своей комнатѣ.

Въ одинъ вечеръ нашелъ онъ подъ кроватью у Дезнойе двѣ бутылки съ виномъ, которое приготовилъ для себя запасливой каммердинеръ, дабы ночью прогонять имъ свою скуку и безсонницу. Но Кардиналъ утвердительно полагалъ, что это ядъ; онъ позвалъ Дезнойе и строгимъ голосомъ спросилъ его: „что это такое, бездѣльникъ?"

„Вино," смутясь отвѣчалъ Дезнойе.

„А за чѣмъ оно здѣсь?" продолжалъ Кардиналъ.

„Для излѣченія моего недуга, проклятой безсонницы."

„Ты лжешь!“ воскликнулъ Ришелье съ явною досадою; „это ядъ, и ты долженъ отъ него умереть! пей его, злодѣй!“

„Съ охотою,“ отвѣчалъ послушный каммердинеръ; „чувствую, что я заслужилъ это наказаніе!“—Сказавъ сіе, онъ взялъ одну бутылку и тотчасъ осушилъ ее. Ядъ началъ дѣйствовать: Дезнойе сдѣлался гораздо веселѣе прежняго. „Кардиналъ! сказалъ онъ, моя натура крѣпка, я *не умру* съ одной бутылки; но успокойтесь: выпивъ другую, я вѣрно *буду пьянъ!*“—

* * *

МАГНИТЪ и МЕТАЛЛЫ.

(Басня).

„Мнѣ скучно одному," говорилъ магнитъ самъ съ собой, „я изберу себѣ металлъ и соединюсь съ нимъ на вѣки."—Золото услышавъ сіе, сказало: „избери меня!" —„Нѣтъ, твой блескъ слишкомъ соблазнителенъ," возразилъ магнитъ, „а кто легко соблазняетъ другихъ, того не трудно соблазнить и самаго!"—Тогда воскликнуло серебро: „такъ избери меня!"—„Невозможно! ты свѣтло какъ день, а я

мраченъ какъ ночь. Равный съ равнымъ живетъ дружнѣе.“—Послѣ сего сказала мѣдь: „такъ соединись со мною!“ —Но магнитъ отвѣчалъ съ презрѣніемъ: „удались отъ меня! въ тебѣ таится ядъ, который почти также вреденъ, какъ голосъ коварнаго льстеца! На тебѣ, скромное желѣзо, останавливаются мои взоры; будь ты моимъ другомъ на вѣки, ибо ты крѣпче и постояннѣе всѣхъ!“—

Изъ Цолликофера. *А. П.*

СТАРЫЙ ДЯТЕЛЪ и МОЛОДЫЙ ТЕТЕРЬ.

(Съ картинкою).

„Послушай, другъ, спать непристойно
На голомъ деревѣ,—смотри......
Охотникъ цѣлится... что ты сидишь
покойно?“
Младому тетерю такъ дятелъ говорилъ.
„Ну что же? тетерь отвѣчаетъ,
Вѣдь у меня и крылья есть!
Пускай его въ меня стрѣляетъ,
А я могу тотчасъ слетѣть.....
Охотникъ выстрѣлилъ и тетерь мертвъ
свалился....
О юноша! не довѣряй себѣ,

Когда изъ опыта еще не научился
Благоразумію!.... не то вѣрь—тебѣ
Придется вспомнить эту басню
И горько и ужасно!

ПАРА БАШМАКОВЪ.

(Историческій анекдотъ).

Крестьянинъ, пришедши въ Люневиль, гдѣ пребывалъ Леопольдъ, Герцогъ Лотарингскій, хотѣлъ его видѣть. Ничего не было легче сего: ибо доброта Герцогова, его ласковость, почти обратились въ пословицу. Когда крестьянинъ подошелъ къ дверямъ замка, тогда Горцогъ шелъ прогуливаться съ своею фамиліею; будучи охраняемъ любовію своего народа, онъ никогда не ходилъ въ сопровожденіи тѣлохранителей.

Крестьянинъ вдоволь наглядѣлся на него, осматривалъ его одежду, и замѣтивъ на немъ полусапожки, воскликнулъ на своемъ деревенскомъ языкѣ: „уже ли нашъ добрый Герцогъ не имѣетъ столько, чтобы купили хорошіе башмаки!" Сіе восклицаніе заставило смѣяться всѣхъ, которые его слышали, и даже самъ Герцогъ, до котораго оно касалось, не могъ удержаться отъ смѣха.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего доложили Герцогу, что пришли депутаты одной деревни. Они были представлены ему и ихъ ораторъ говорилъ ему слѣдующую рѣчь: „Ваше Высоче-

ство! малыя подати, которыя вы берете, не дають вамъ возможности имѣть хорошіе башмаки; это замѣтилъ одинъ изъ насъ, и теперь мы сами видимъ это. Жители деревни *** отъ большаго и до малаго сложились, чтобы заказать для Вашего Высочества пару хорошихъ башмаковъ, которые я вамъ отъ имени всѣхъ и предлагаю, какъ знакъ нашей любви и почтенія."

Герцогъ былъ тронутъ до слезъ, взялъ некрасивые башмаки, коихъ толстая подошва была еще подбита гвоздями; онъ даже надѣлъ ихъ, чтобы сдѣлать удовольствіе симъ добрымъ людямъ.

Сей анекдотъ находится въ Лотарингскомъ архивѣ, и предъ послѣднею войною сохранялись еще въ Академіи въ Нанси, сіи башмаки, съ означеніемъ на нихъ числа, въ которое были подарены, какъ памятникъ народной любви къ своимъ Герцогамъ.

Съ Франц. *Г. К—въ.*

МАЛЕНЬКОЙ НЕСЛУХЪ.

(Повѣсть).

Николинькѣ не было еще полныхъ семи лѣтъ; а онъ любилъ уже управляться самъ собою и никакъ не хотѣлъ никого слушаться.— Онъ часто потихоньку уходилъ отъ своей маменьки, и вырвавшись на дворъ, пускался шалить и бѣгать съ другими дѣтьми, жившими въ томъ домѣ.

Хотя Николинькѣ часто говорили, чтобы онъ никакъ не смѣлъ ничего дѣлать безъ позволенія тѣхъ, кото-

рымъ было поручено за нимъ смотрѣть, однакожъ маленькой неслухъ не обращалъ никакаго вниманія на сіе запрещеніе и всегда поступалъ такъ, какъ ему самому того хотѣлось, и за то онъ часто бывалъ наказанъ. Но все это не помогало. Онъ никакъ не хотѣлъ покинуть своей привычки: обманывалъ всѣхъ и не слушался никого.

Однакожъ наконецъ рѣзвый Николинька дорого заплатилъ за свое непослушаніе. Онъ сидѣлъ съ маменькою. Но когда сія вышла въ другую комнату, что-то тамъ взять, тогда маленькой шалунъ поспѣшно выбѣжалъ

изъ горницы и бросился прямо на дворъ. Тутъ не было ни одного человѣка, но у калитки была привязана лошадь очень красивой наружности и по видимому довольно смирная. Она чрезвычайно понравилась Николинькѣ, онъ подошелъ къ ней довольно близко, гладилъ ее и наконецъ съ помощію скамейки влѣзъ на нее.—Вдругъ въ нѣкоторомъ разстояніи за домомъ раздался сильный выстрѣлъ. Лошадь испужалась и пустилась бѣгать по двору. Она сшибла маленькаго сѣдока, и люди, слышавшіе его крикъ, полагали, что онъ не останется живъ. Тотчасъ выбѣжали къ нему на помощь, внесли въ

комнату, но онъ былъ весь въ крови и безъ чувствъ! Пришедъ въ себя, онъ чувствовалъ жестокую боль въ правой рукѣ. Призвали костоправа; сей объявилъ, что рука не вывихнута, но совсѣмъ изломана. Маленькаго неслуха вылѣчили, однакожъ онъ остался на всю жизнь калекою.

Вотъ какъ дорого платятъ дѣти за свое непослушанiе и необдуманную рѣзвость.

Съ Нѣмец. *В. Томиловскiй.*

МЫСЛИ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Счастливыя минуты подобны молніи блестящей въ облакахъ: онѣ бываютъ рѣдко и проходятъ скоро.

Слава великихъ людей подобна зеркалу: зависть дышетъ на нее и она помрачается на минуту, но вскорѣ возвращается обыкновенная чистота зеркала и оно блеститъ ярче прежняго.

Для чего краснѣть, признаваясь въ учиненной ошибкѣ? Развѣ это не зна-

чить сказать: я нынче умнѣе, нежели какъ былъ вчера.

Споръ для разума то же, что сталь для кремня, изъ которой онъ получаетъ свои искры.

Когда въ мірѣ явится истинный геній, то его легко узнать потому, что всѣ глупцы возстанутъ противъ него.

Зависть болѣе всего нападаетъ на славу людей добродѣтельныхъ, подобно тому, какъ птицы и черви нападаютъ на лучшіе плоды.

Съ Франц. *А. Лазаревъ.*

ОТВѢТЪ ФИЛОСОФА.

(Анекдотъ).

Нѣкотораго философа спросили: „отъ чего подаютъ милостину болѣе слѣпымъ и хромымъ, нежели философамъ?" На сіе отвѣчалъ мудрецъ: „отъ того, что болѣе опасаются сдѣлаться слѣпыми и хромыми, нежели философами."

Сь Франц. *Г. К--въ.*

РѢЗВАЯ ОВЦА.

(Съ картинкою).

Овечка молодая
Рѣзвилась, прыгала играя
Черезъ кустарники и пни.
„Рѣзвушка перестань (овечкѣ мать сказала),
Покуда ты цѣла!... ей лучше отдохни,
Послушайся!“—Но нѣтъ, овечка не вни-
мала
Совѣту матери своей:
Пустилася еще быстрѣй
И поскользнувшися упала—
И ножку изломала!
Нравоученіе сей басни очень ясно:—
Излишество вездѣ и всѣмъ опасно!
Знай, милое дитя! что всякая игра—
Смѣсь худа и добра!

ИЗАБЕЛЛА И ЕЯ МАТЬ.

Изабеллѣ было только 14 лѣтъ; природа одарила ее красотою, умомъ и другими дарами. Ни одна изъ молодыхъ подругъ ея не цвѣла пріятнѣе ея; ни одна не превосходила ее ни остроуміемъ, ни живостію: но за то ни одна не была такъ тщеславна, какъ она.

Часто по нѣскольку часовъ наряжалась она передъ зеркаломъ, дѣлала различныя тѣлодвиженія, и при томъ безпрестанно говорила сама себѣ: „Иза-

белла, ты прекрасна, ты прелестна, ни одна изъ твоихъ пріятельницъ не смѣетъ равняться съ тобой! Однажды застала ее мать, которая занималась въ боковой комнатѣ, и была привлечена симъ пріятнымъ разговоромъ. Къ большему ея испугу мать отворила дверь въ ту самую минуту, въ которую Изабелла, какъ обыкновенно, говорила: „Изабелла, ты прекрасна! Возможно ли это? повторила Изабеллѣ мать ея. Ты совсѣмъ не стыдишься стоять у зеркала, любоваться собою и привѣтствовать себя за свою красоту? Увѣрена ли ты, что и другіе смотрятъ на тебя тѣми же глазами,

которыми ты смотришь сама на себя; твой безпорядокъ, твоя неопрятность, твоя дурная походка, твое высокомѣріе, твое тщеславіе, твое жестокосердіе, и многіе другіе пороки, за которые мы ежедневно упрекаемъ тебя, вѣроятно гораздо поразительнѣе для другихъ, нежели свѣжесть краски, и нѣкоторыя правильныя черты твоего лица.“

„Повѣрь мнѣ, предъ сотнею глазъ многія дѣвицы, на которыхъ ты не хотя смотришь, покажутся гораздо любезнѣе и привлекательнѣе тебя. Дѣтская веселость нрава, скромность, вѣжливость, добросердечіе дѣлаютъ

на многихъ людей, и особенно на лучшую часть оныхъ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели тѣлесная красота, которая проходитъ слишкомъ скоро, между тѣмъ какъ другія преимущества, сердечная доброта, кротость и дружелюбіе, всегда остаются украшеніями ума и сердца. Все это дѣлаетъ краткую человѣческую жизнь несравненно пріятнѣйшею. И такъ во первыхъ старайся отстать отъ своихъ пороковъ, исправить свой нравъ, а потомъ уже и удивляйся своей красотѣ. Никогда не основывай своего тщеславія на преходящихъ благахъ!" — Сія поучительная рѣчь смири-

ла надменную Изабеллу, однакожъ не исправила ее.

Вскорѣ потомъ нечаянная болѣзнь лишила ее всего, чѣмъ она столь много гордилась, и это-то обстоятельство уже исправило дурный нравъ ея.

Съ Франц. *Г. К—въ.*

ЛОЖЬ ЛУЧШЕ ПРАВДЫ.

(Изъ Гердера).

Нѣкоторый государь, раздраженный однимъ изъ своихъ невольниковъ, въ пылу своего гнѣва приказалъ его немедленно предать смерти. Несчастный въ отчаяніи проклиналъ его.

„Что говоритъ онъ?“ спросилъ Монархъ.

„Государь! отвѣчалъ одинъ изъ добродѣтельныхъ вельможъ, близкихъ къ престолу; онъ говоритъ, что *рай уго-*

тованъ для тѣхъ, которые смиряютъ свой гнѣвъ и прощаютъ смертныхъ!"

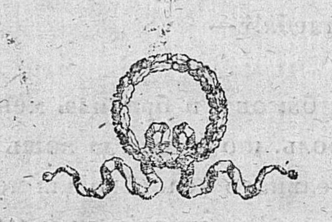
„Да будетъ онъ прощенъ!" воскликнулъ Государь.

„Монархъ," продолжалъ другой придворный; ты обманутъ: несчастный бранилъ тебя!"—

„Хотя бы онъ и бранилъ меня, сказалъ Король, то и тогда ложь этаго добродѣтельнаго человѣка для меня гораздо полезнѣе твоей правды. Она смирила мой гнѣвъ и спасла жизнь

человѣку,— а ты съ своею истинною хотѣлъ раздражить меня и погубить себѣ подобнаго. Оставляю твоей совѣсти рѣшить: — который изъ васъ поступилъ благороднѣе."

Сь Нѣмец. *А. Томиловскій.*

ЧТО ЕСТЬ ВОЙНА?

(Анекдотъ).

Швейцарскій малютка, сынъ пастуха, просилъ у путешественника милостины, говоря такъ: „Ахъ, мои родители слишкомъ много пострадали отъ войны!"

Путешественникъ, удивленный сими словами малютки, улыбаясь спросилъ его: „я думаю, ты очень хорошо знаешь, что такое война?"

„Какъ мнѣ это не знать; но напередъ подайте мнѣ что нибудь."

Путешественникъ подалъ ему небольшую монету. „Ну, теперь скажи мнѣ, что такое война?“

„Дайте мнѣ еще что нибудь!“

Любопытный и добродушный путешественникъ подалъ ему еще милостину.

„Вы должны мнѣ еще что нибудь прибавить.“

„Безстыдный,“ сказалъ иностранецъ, и подалъ ему еще не много; „ну, наконецъ ты мнѣ скажешь, что есть война?“

„Нѣтъ, вы еще мало мнѣ дали.“

Путешественникъ съ досадою поднялъ свою палку и грозился побить мальчика.—

„Видите ли, государь мой, вотъ настоящая война," сказалъ мальчикъ: „одинъ хочетъ все больше имѣть, а другой не хочетъ ему ничего дать; отъ этаго происходятъ ссоры, брань, а наконецъ и драка."

Съ Нѣмец. *Г. К—въ.*

КОЗА,

ИЛИ

БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Феликсъ и Секстилія съ величайшимъ удовольствіемъ провели съ часъ времени, какъ вдругъ произошелъ между ими споръ за одну игрушку, и рѣзвый Феликсъ говорилъ сіи жестокія слова: „прочь, сударыня, вы уже больше не сестра моя."

Бѣдная маленькая Секстилія утопала въ слезахъ, и просила его уничтожить сей ужасной приговоръ.

Но: „нѣтъ, сударыня, вы больше не сестра,“ былъ весь отвѣтъ, который она получила съ деспотомъ шестилѣтняго, который уже искушалъ его власть.

Въ продолженіи сей ссоры, смирная коза отвязалась и шла, слѣдуя своему обыкновенію, искать въ нижней залѣ остатки десерта, которые часто давали ей дѣти. При семъ явленіи Феликсъ и Сексшилія испужались, ибо они одни тутъ были. Коза игравши, грозила имъ своими рогами. Феликсъ думалъ видѣть въ опасности свою сестру; въ тужъ минуту онъ забываетъ свой гнѣвъ, бросается къ ней,

беретъ ее подъ свое покровительство, и сдѣлалъ для нее защиту своимъ корпусомъ. Онъ всегда слѣдовалъ движеніямъ животнаго, отражалъ всѣ удары его головы, и старался поймать снурокъ отъ колокольчика, чтобы призвать кого на помощь. Но сей былъ слишкомъ высоко. А потому онъ велѣлъ своей сестрѣ встать на кресла; однако и при семъ онъ защищалъ ее своимъ тѣломъ; наконецъ, послѣ многихъ усилій ему удалось поймать снурокъ отъ колокольчика.

Теперь пришли люди: коза была опять привязана, и дѣти обнимались съ живѣйшею нѣжностію. Такимъ об-

разомъ должно тотчасъ кончаться всякое неудовольствіе, что бы ни было причиною онаго, между хорошими братьями и сестрами, какъ скоро они увидятъ, что могутъ быть полезными другъ другу.

Сіи милыя дѣти искренно любили одинъ другаго. Если одно изъ нихъ наказывали, то другое потихоньку ходило его утѣшать. Время еще болѣе укрѣпило сію, столь сердечную дружбу. Феликсъ достигъ того возраста, въ который отечество призываетъ на службу своихъ сыновъ. Онъ сказалъ своей возлюбленной сестрѣ послѣднее прости и разстался съ нею навсегда.

Съ Нѣмец. *Г. К—въ.*

ДВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

(Съ картинкою).

Два друга шли путемъ—дорогой
(Такихъ друзей на свѣтѣ много),
И съ златомъ кошелекъ нашли.
Ѳома скорѣй его хватаетъ
И прячетъ; „славно!" (восклицаетъ
Климъ) „деньги сами къ намъ пришли!"
Къ намъ?... (вдругъ Ѳома перебиваетъ)
Никакъ!
Ко мнѣ, вотъ это такъ!
И бѣдный Климъ насупяся, умолкъ.
Вотъ идутъ далѣе—и проходя лѣсокъ
Увидѣли воровъ... ихъ воры догоняли...
„Ну!" (говоритъ Ѳома) „вѣдь *мы* пропали

—Не *мы!*" (Климъ отвѣчалъ)
А *ты!*.... и-убѣжалъ!
И воры Ѳомушку схватили,
Отняли кошелекъ, порядочно побили
И-ели, ели жива
Пустили въ бѣлый свѣтъ,
Для радости, иль нѣтъ!—
Пословица гласитъ нелживо:—
Кто въ счастьи счастье не дѣлилъ,
Тотъ и въ несчастіи не милъ!—

ХОРОШІЙ СОВѢТЪ.

Нѣкоторый Ханъ или Татарскій Государь, путешествуя съ своими вельможами, встрѣтилъ на дорогѣ Дервиша, который громко говорилъ: „кто мнѣ заплатитъ 100 золотыхъ монетъ, я тому дамъ хорошій совѣтъ.“—Ханъ приказалъ ему выдать помянутую сумму. Дервишъ получивъ оную, сказалъ: „*не начинай никакого дѣла, не обдумавъ напередъ, какой конецъ будетъ онаго.*“

Придворные, выслушавъ эту всѣмъ извѣстную мысль, насмѣшливо гово-

рили: „Дервишъ беретъ дорого за свои наставленія.“ Но Хану такъ понравился этотъ совѣтъ, что онъ повелѣлъ его написать золотыми буквами въ разныхъ мѣстахъ своего замка, и вырѣзать на всей своей посудѣ.—Вскорѣ послѣ сего подкупили Ханскаго врача, чтобы онъ, будучи призванъ къ Государю пустить ему кровь, исполнилъ это ланцетомъ отравленнымъ ядомъ. Пришло время, въ которое Государь обыкновенно пущалъ себѣ кровь; онъ велѣлъ позвать своего врача, который и явился съ смертоноснымъ ланцетомъ. Рука Государева была уже перевязана и подано золотое блюдо,

на днѣ котораго было вырѣзано: „*не начинай никакого дѣла, не обдумавъ напередъ, какой конецъ будетъ онаго.*" Докторъ прочелъ эти слова, испужался и уронилъ ядовитый ланцетъ.

Ханъ замѣтилъ его смущеніе и спросилъ о причинѣ онаго. Оробѣвшій врачь бросился къ ногамъ своего Государя, признался ему во всемъ и получилъ прощеніе, а заговорщики были достойно наказаны. Ханъ же обратясь къ своимъ придворнымъ, которые съ презрѣніемъ слушали сей совѣтъ, сказалъ имъ: „можно ли за совѣтъ, спасающій жизнь Государю, достаточно заплатить?"

Съ Нѣмец. *А. Л—въ.*

СТАРЫЙ ТОБІЙ,

ИЛИ

ЧЕЛОВѢКЪ ПРЕДПОЛАГАЕТЪ, А БОГЪ РАСПОЛАГАЕТЪ.

Теперь я стою нѣсколько сотъ тысячъ талеровъ, сказалъ старый Тобій, взойдя на земный холмъ, съ котораго была видна часть помѣстья, лишь только имъ наслѣдованнаго. Точно, теперь я стою нѣсколько сотъ тысячъ талеровъ, повторилъ онъ; хотя мнѣ около шестидесяти пяти лѣтъ, однакожъ я еще довольно свѣжъ и здо-

ровъ. Теперь я буду пить и ѣсть, забуду все непріятное, стану курить табакъ и буду всегда веселъ до самаго конца жизни.

Такъ, теперь я стою нѣсколько сотъ тысячь талеровъ, продолжалъ онъ, восходя на вершину высокой горы, съ которой могъ видѣть все свое помѣстье; здѣсь насажу я плодовитый садъ, а тамъ разведу виноградникъ. Но та крестьянская изба должна быть сломана: она заграждаетъ мнѣ видъ и портитъ прелестнѣйшій ландшафтъ.

Но что же будетъ съ бѣднымъ Яковомъ и его многочисленнымъ семействомъ, живущими въ сей хижинѣ? спро-

силъ старика его управитель, подлѣ стоявшій.

Про то долженъ знать онъ, хладнокровно отвѣчалъ старый Тобій.—Да, вотъ и эта мѣльница стои́тъ не у мѣста. Ее должно сломать. Я хочу имѣть чистую рѣку.

Но, опять перебилъ его управитель, гдѣ, же будутъ бѣдные крестьяне молоть свой хлѣбъ?

Какая мнѣ до того нужда! воскликнулъ старый Тобій.

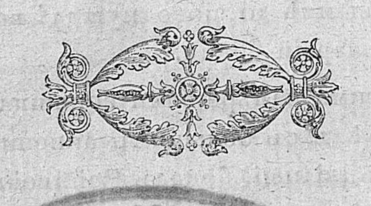
Съ сими намѣреніями воротился онъ домой, ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, выпилъ полный бокалъ Рейнвейну, вы-

курилъ двѣ трубки табаку и крѣпко уснулъ.

Онъ не просыпался опять.

Бѣдный Яковъ и его многочисленное семейство спокойно остались въ своей хижинѣ, а мѣльница и понынѣ стоитъ на прежнемъ мѣстѣ.—Смертный! помни изрѣченіе мудраго: *человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ!*

Съ Нѣмец. *В. Астафьевъ.*

ЖЕСТОКОСТЬ КЪ ЖИВОТНЫМЪ.

Пойдемъ, говорилъ Адольфъ Вильгельму, мы пойдемъ въ нашъ садъ, и вынемъ изъ гнѣзда, находящагося въ заборѣ, молодыхъ соловьевъ.“

Вильгельмъ тотчасъ согласился и они побѣжали разорять гнѣздо. Горестно летали вокругъ старыя птички, видя, какъ у нихъ похищали ихъ птенцовъ, а молодыя полунагія съ горестію кликали свою мать. Адольфъ восхищался ихъ горестію, а Вильгельму болѣзненные вопли ихъ проницали въ его душу. Онъ чувствовалъ, что

они оба поступили несправедливо, и потому говорилъ Адольфу: „ахъ, посадимъ опять бѣдныхъ, невинныхъ птичекъ въ ихъ гнѣздо, а не то онѣ умрутъ отъ стужи и отъ холода. Однакожъ Адольфъ не внималъ сему, но напротивъ приготовлялся привязать ихъ на нитку, чтобы послѣ забавляться ихъ трепетаніемъ.

Отецъ, сидѣвшій неподалеку въ бесѣдкѣ, все видѣлъ и слышалъ. Тотчасъ спѣшилъ онъ туда, чтобы спасти сихъ маленькихъ твореній отъ сего жестокосердаго. Безчеловѣчный! сказалъ онъ ему, не уже ли ты находишь удовольствіе мучить

себѣ подобныхъ твореній! съ такимъ расположеніемъ нрава ты будешь нѣкогда столь же немилосердъ къ людямъ, какъ теперь къ животнымъ. Понравится ли тебѣ, когда похитятъ тебя изъ родительскаго дома и до смерти замучатъ?—

Сію минуту посади сихъ птичекъ въ ихъ гнѣздо, и потомъ поди вонъ изъ сего сада. А ты, Вильгельмъ, конечно также слѣдовалъ голосу соблазна; но ты однакожь еще довольно рано почувствовалъ свой проступокъ: раскайся въ немъ и старайся исправиться. Да предохранитъ тебя сей случай отъ подобныхъ пороковъ въ

будущее время, и никогда не переставай быть сострадательнымъ къ подобнымъ себѣ твореніямъ. Я поручаю тебѣ попеченіе надъ симъ гнѣздомъ и надъ его беззащитными жителями.

Съ Нѣмец. *Г. К—въ.*

ЛИСИЦА, ПѢТУХЪ и СОБАКА.

(Басня).

Голодная лисица, завидѣвъ вдали стадо куръ съ пѣтухомъ, мысленно пожирала ихъ и потому побѣжала прямо на нихъ. Однакожъ куры замѣтивъ ее, тотчасъ взлетѣли на деревья.—Лисицѣ было крайне прискорбно, что она такъ обманулась въ своей надеждѣ, но не теряя присутствія духа, она немедленно вздумала, какъ ихъ обмануть. Подкравшись къ дереву, она поклонилась очень учтиво всѣмъ курамъ, и

спросила: чего онѣ такъ испужались? Развѣ вы не слыхали, сестрицы, продолжала она, радостной новости? — Мы не заботимся о новостяхъ, отвѣчалъ пѣтухъ, и потому не слыхали ничего. — Такъ я сообщу вамъ ее, возразила лисица. Вчера заключенъ между всѣми животными вѣчный миръ, и теперь всѣ звѣри могутъ безъ опасенія обходиться между собою; — я нарочно поспѣшила сюда, чтобы вамъ сообщить эту радостную новость. — Пѣтухъ хотя и понялъ ея хитрость, однакожъ показывалъ видъ, будто очень обрадовался сему извѣстію, но въ то же время протянулъ шею.

Что разсматриваешь ты вдали, господинъ пѣтухъ? спросила его лиса. —Я смотрю на стаю борзыхъ собакъ, былъ отвѣтъ, которыя бѣгутъ во всю мочь прямо на насъ, вѣроятно съ извѣстіемъ о мирѣ.—

А, А! ворчала про себя лисица,—такъ прощайте же, мои друзья, мнѣ не прилично долѣе оставаться здѣсь. —Почему же такъ? спросилъ пѣтухъ: вѣдь теперь заключенъ всеобщій миръ, и слѣдовательно тебѣ нечего бояться. —Оно конечно такъ, возразила лисица,—однакожъ, можетъ быть, собаки еще не знаютъ этаго!

Сергѣй Землянскій.

АЛАДИНЪ.

(Апологъ; съ картинкою).

Въ странѣ далекой на Востокѣ жилъ славный мудрецъ Абдалла; онъ училъ своихъ согражданъ истинной вѣрѣ и любви къ человѣчеству. Отличнѣйшій изъ его учениковъ былъ молодый, бѣдный Аладинъ. Этотъ юноша, всегда помнившій наставленія своего мудраго учителя, часто сокрушался, что не имѣлъ большаго состоянія, чтобы помогать своему неимущему ближнему. Однажды, тронутый до слезъ уми-

ленія нищетою больной вдовы, обремененной многими малолѣтными дѣтьми, онъ вышелъ съ разтерзаннымъ сердцемъ въ садъ своего учителя, и ставъ на колѣни, молился: „Алла, буди святое имя твое во вѣки благословенно! не отвергни моленія недостойнаго раба своего, услышь мои вопли и исполни желанія; я не ищу славы, не желаю возвышаться надъ моими товарищами, не прошу долгой жизни; но молю тебя, всемогущій, даруй мнѣ богатства, богатства несмѣтныя! тогда я возмогу услаждать горестную судьбу несчастныхъ, возмогу благотворить имъ! тогда я отру слезы

слабой вдовы и беззащитныхъ сиротъ! тогда возсіяетъ моя благотворительность подобно свѣтлымъ лучамъ благодѣтельнаго солнца! тогда я вкушу на земли чистѣйшія удовольствія рая. Не такъ, сынъ мой, воскликнулъ мудрый Абдалла, слышавшій все моленіе неопытнаго юноши; ты ошибаешься, другъ мой: можно благотворить и не имѣя несмѣтныхъ богатствъ; наша благотворительность, говоритъ здравый разсудокъ, всегда должна быть соразмѣрна нашему состоянію; и ты не думай, что только то благодѣяніе хорошо и пріятно Божеству, которое велико; нѣтъ, сынъ

мой, и малая милость, но оказанная отъ чистаго сердца, отъ искренней души, полезна страждущему человѣчеству и любезна Всемогущему! Замѣть, другъ мой, что благодѣяніе цѣнится не по великости своей, но по тому желанію, по той доброй волѣ, съ которою оно совершается. И такъ, Аладинъ, не проси у Бога несмѣтныхъ богатствъ, но проси чувствительнаго, сострадательнаго сердца, и употребляй всѣ свои душевныя и тѣлесныя силы на пользу ближнему и во славу тебя создавшаго!—Абдалла кончилъ свое наставленіе, которому внималъ Аладинъ съ дѣтскою покорностію. Онъ воз-

пользовался мудрыми совѣтами своего учителя и Господь излилъ на главу его всѣ свои благодѣянія.

А. П.

ВОЗРАЖЕНІЕ АЛЕКСАНДРУ ВЕЛИКОМУ.

Александръ Македонскій хотѣлъ принудить своего министра къ увеличенію податей своей имперіи; но онъ отвѣчалъ съ твердостію: „я ненавижу, Государь, садовника, вырывающаго растѣніе съ корнемъ, а люблю пастуха, который стрижетъ овецъ, не прорѣзывая на нихъ кожи.“

Съ Франц. *Г. К—въ.*

КАРОЛИНА МЕЙСНЕРЪ.

Вѣтренная Каролина Мейснеръ долго бѣгала по саду. Разгорячившись отъ того, она почувствовала сильную жажду. Часто слыхала она, что разгорячась, очень опасно пить холодную воду. Но она не обратила на сіе вниманія. Она полагала, что опасность не такъ велика, какъ ее описывали.

Съ пылающими ланитами и съ челомъ покрытымъ потомъ, побѣжала она къ находящемуся на дворѣ колодцу, почерпнула воды и напилась, также вымыла себѣ лице, чтобы прохла-

дить его; но она тотчась почувствовала, сколь неблагоразумно поступила. По всему ея тѣлу разлился лихорадочный озноб, а въ груди поднялось сильное колотье и она принуждена войти въ комнату. На другой день она опасно сдѣлалась больна. Родители тотчась пригласили лѣкаря. Она хотя выздоровѣла отъ сей болѣзни, однакожь грудь ея не была совсѣмъ излѣчена.—Вотъ слѣдствія неосторожности сей легкомысленной дѣвушки.

Не пей ничего холоднаго, когда разгорячишься: въ противномъ случаѣ ты легко потеряешь свое здоровье!

Съ Франц. *Г. К—въ.*

МЫСЛИ и ЗАМѢЧАНІЯ.

Какъ тучи облегчаются отъ дождя, такъ горесть услаждается слезами.

*

Спокойная старость вѣнчаетъ безпорочную жизнь подобно тому, какъ пріятный вечеръ оканчиваетъ хорошій день.

*

Добродѣтельный смертный, не страшись остраго жала клеветы: оно не сдѣлаетъ тебѣ смертной раны!—Правда, чистыя воды прозрачнаго ручья

можно взмутить, —но чрезъ минуту онѣ по прежнему сдѣлаются ясны и свѣтлы.

*

Какъ тучи, собравшіяся на горизонтѣ во время сильной засухи, изчезаютъ будучи разнесены сильнымъ вѣтромъ: такъ не рѣдко изчезаютъ наши лучшія надежды, обманутыя своенравіемъ счастія!

*

Законъ есть ограда, воздвигнутая на краю пропасти, чтобы спасти путешественника отъ погибели; несча-

стливъ тотъ дерзкій, который переступитъ чрезъ нее!

*

Некрасивая наружность часто скрываетъ прекраснѣйшую душу; кто не знаетъ, что плодъ миндальнаго дерева столько же сладокъ, сколько горька его скорлупа.

*

Читать наскоро хорошую книгу все то же, что проѣхать на почтовыхъ лошадяхъ чрезъ городъ, богатый дарами природы и произведеніями искуства: умъ не получитъ никакой пользы ни отъ того, ни отъ другаго.

А. П.

РѢДКОЕ СХОДСТВО.

(Анекдотъ).

Знаменитый банкиръ, извѣстный своимъ великимъ богатствомъ, а еще болѣе своею глупостью, вздумалъ однажды сдѣлать изъ мрамора свою статую, и когда она была готова, онъ показывая ее одному изъ своихъ друзей, спросилъ: походитъ ли она на него? Совершенно, отвѣчалъ сей; ибо она походитъ на васъ не токмо душой, но и тѣломъ.

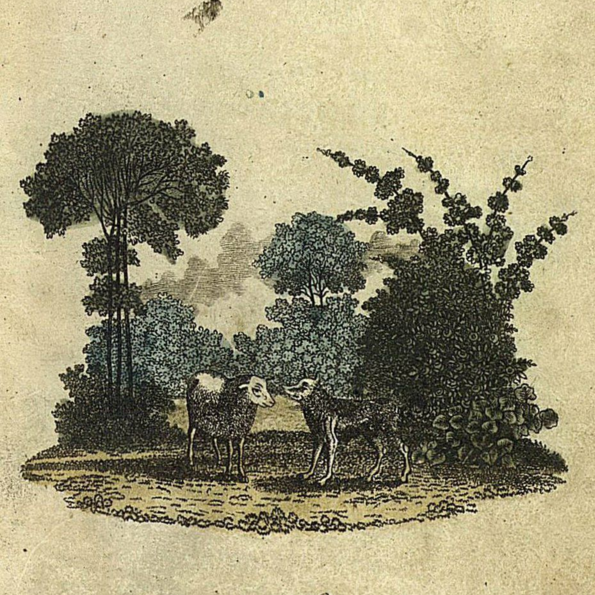
Съ Франц. *Г. К--въ.*

ОВЦА и СОБАКА.

(Съ картинкою).

Собакѣ и овцѣ разъ вздумалось роптать,
И впрямь судьбѣ своей жестокой попѣ-
нять....
Никто (Желтушка говорила)
Столь много не сносилъ,
Какъ я.... ахъ! сколько я служила!
Утративъ много силъ,
Я лишь враговъ взманила!
Ночь цѣлую домъ барской стерегу
И глазъ-то не смыкаю;
Гдѣ стукнутъ лишь—ужь я бѣгу
И лаю;
И всѣ опасности пренебрегаю,

Овца и Собака.

Грызусь, кусаю,
И вора прогоняю.
И что же?... хлѣба лишь кусокъ
И то ужь черстваго-вотъ вся моя надежда!
При томъ ругательства, побои,—хуже ада
Житье мое..... о рокъ!
Любезная! остановись
Не горячись;
Чѣмъ хуже я тебя (воскликнула овца);
А бѣдствіямъ моимъ вѣдь также нѣтъ
конца....
Послушайка меня. Я поле удобряю,
И слѣдственно хозяевъ всѣхъ питаю,
Да одёжу доставляю,
А въ благодарность мнѣ иль бьютъ моихъ
дѣтей,
Иль волкъ ихъ похищаетъ,
Да и самой подъ часъ бываетъ

Не лучше участи твоей!...
Такъ! (вновь Желтушка перебила)
Судьба обѣихъ насъ, мой другъ, не полюбила!...
Однакожъ—лучше спать въ тернахъ
И быть всегда въ трудахъ,
Терпѣть несправедливость,
Незаслуженное чѣмъ взять
И вдругъ попавши въ милость,
Несправедливо поступать!...

НЕПОСЛУШАНІЕ.

Людовикъ Куртъ съ самаго дѣтства былъ непослушенъ. Что ему запрещали дѣлать, то нарочно дѣлалъ онъ; что было противно другимъ, то въ особенности нравилось ему. Онъ любилъ кататься по льду. Впрочемъ родители его не запрещали ему этаго; ибо они полагали, что чистый, свѣжій зимній воздухъ укрѣпляетъ тѣло; однакожъ они совѣтовали ему, чтобы онъ не ходилъ на прудъ, находившійся позади ихъ дому, который хотя и былъ покрытъ льдомъ, но не совсѣмъ еще

замерзъ. И другіе люди предостерегали его; но онъ смѣялся имъ въ глаза. Однажды вышелъ онъ потихоньку въ заднія двери и весело спѣшилъ на прудъ. Едва взошелъ онъ на средину онаго, какъ ледъ проломился, и онъ погрузился въ воду. Къ нечастію, чѣмъ больше онъ усиливался вылѣзть, тѣмъ болѣе утопалъ въ тинѣ. Наконецъ плачевный вопль его услышали въ деревнѣ. Нѣсколько человѣкъ спѣшили къ нему на помощь, но пришли уже поздно. Хотя съ великимъ трудомъ вытащили его на берегъ, однакожъ онъ отъ холода и страха совершенно окостенѣлъ и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ.

Всякій, слышавшій о несчастіи, постигшемъ сего мальчика, громко говорилъ:

„Кто не внимаетъ совѣтамъ умныхъ людей, тотъ часто бываетъ самъ причиною своей погибели.“

Д. К.

РАЗНЫЯ ДѢЙСТВІЯ КРАСНОРѢЧІЯ.

(Анекдотъ).

„Когда проповѣдывалъ Бурдалу," говорилъ пасторъ Аррюнсъ, „тогда художники оставляли свои мастерскія, торговцы свои лавки, а врачи своихъ больныхъ. *Я* же началъ проповѣдывать и привелъ все въ надлежащій порядокъ: всѣ возвратились къ своимъ должностямъ."

Съ Нѣмец. *Н. Жуковъ.*

ДВѢ ГОСТИННИЦЫ.

(Апологъ).

Ничто такъ не обманчиво, какъ блестящая наружность.

Мой апологъ послужитъ доказательствомъ сему:

Два путешественника, пріѣхавъ въ иностранный городъ, искали, гдѣ бы остановиться: имъ показали разныя гостинницы. Одинъ изъ нихъ избралъ себѣ жилищемъ огромный домъ, по наружности похожій на замокъ, и украшенный богатою вывѣскою, но онъ едва не замерзъ въ немъ; ибо въ сихъ

огромныхъ комнатахъ не было ни печей, ни каминовъ, а во многихъ окнахъ недоставало не только зимнихъ, но даже и лѣтнихъ рамъ; сверхъ того онъ не нашелъ ни кровати, ни стула. Другой путешественникъ былъ счастливѣе: онъ вошелъ въ небольшой домикъ, бѣдный по наружности, но богатый по внутреннему устройству; хозяинъ дома предложилъ ему хотя умѣренный, но здоровый ужинъ, не пышную, но спокойную постель и все, въ чемъ онъ имѣлъ нужду.

Д. К.

ВЗАИМНОЕ ПРИЗНАНІЕ.

(Историческій анекдотъ).

Когда Генералъ Г. осаждалъ крѣпость, тогда послѣ слабаго сопротивленія пришелъ къ нему коммендантъ оной для подписанія капитуляціи.—Когда все было кончено, коммендантъ сказалъ Генералу: „скажу вамъ по дружески, что я согласился на эту капитуляцію только потому, что у меня нѣтъ болѣе пороху.“ На сіе отвѣчалъ ему Генералъ: „чтобы заплатить за вашу довѣренность таковою же, я

долженъ вамъ признаться, что приняль эту капитуляцію только потому, что у меня нѣтъ болѣе свинцу.

С Нѣмец. *Ѳ. Соинъ.*

ПАСТУХЪ и ОХОТНИКЪ.

Гансъ, пастушокъ младой, сидѣлъ
На мягкой муравѣ у стада;
Чтобъ не соскучиться—онъ пѣлъ,
Игралъ къ свирѣль: вотъ вся его была
отрада,
Какую только могъ найти
Въ сообществѣ съ скотами,
Которыхъ приказалъ отецъ ему пасти!
Усталыми шагами
Охотникъ къ стаду подошёлъ
И съ Гансомъ рѣчь завёлъ—
О неудачѣ въ ловлѣ—какъ гонялся
Онъ за оленемъ, не убилъ
И выбившись изъ силъ,
Съ пустыми лишь руками онъ остался!...

Пріятель, Гансъ ему сказалъ,
Олень здѣсь мимо пробѣжалъ;
Постойка я ужь попытаюсь
И за оленемъ погоняюсь—
Дай мнѣ ружьё
Своё!
Охотникъ съ радостью вручаетъ
Собаку и ружье, ложится на траву,
На мураву,
И тотчасъ засыпаетъ!...
Гансъ весь лѣсочикъ пробѣгаетъ,
Оленя нѣтъ какъ нѣтъ! и онъ идетъ
назадъ,
Но какъ же изумился:—
Охотникъ спитъ—и нѣту стадъ!...
Что дѣлать?... онъ искать пустился—
Искалъ, искалъ,
И такъ усталъ,

Такъ утомился,—
Что ели, ели притащился
Онъ ввечеру уже домой;
Чтожь дома онъ нашелъ?... покой?
Да, какъ бы не покой!
Нѣтъ, брань и укоризны,
Да еще слава Богу, что избѣжалъ побой!...
Правоученіе изъ опытовъ и жизни
Отецъ ему твердилъ:
Будь тѣмъ, мой сынъ, чѣмъ рокъ тебѣ
судилъ,
Не за свое, другъ, дѣло не берися,
Умѣй сберечь овцу,
Назадъ ее пригнать домой къ отцу,
А за ушедшимъ ужь оленемъ не гонися!

ИСПРАВИВШІЙСЯ ЮНОША.

Рабби былъ одинъ изъ тѣхъ мудрецовъ, которые стараются исполнять всякій законъ и всякую обязанность. Воодушевленный святою ревностію просвѣщать свой народъ, ходилъ онъ изъ города въ городъ, и наконецъ въ томъ, въ коемъ прежде жилъ Равви Тарпфанъ. На вопросъ: оставилъ ли Тарпфанъ послѣ себя сына,“ ему отвѣчали: „послѣ него остался внукъ, предавшійся распутству и утопающій въ роскоши.

Рабби велѣлъ позвать къ себѣ юношу, и упрекалъ его за порочную жизнь, и наконецъ обѣщалъ ему въ супружество свою дочь, если онъ исправится.

Юноша, принявъ обѣщаніе друга своего отца, просилъ Рабби наставлять его, и въ короткое время сдѣлался человѣкомъ честнымъ и полезнымъ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ Рабби хотѣлъ сочетать съ нимъ дочь свою, дабы выполнить данное обѣщаніе. Но юноша ему сказалъ: „она не можетъ быть моею супругою, хотя я и очень ее люблю: ибо упрекъ, что я по сей причинѣ полюбилъ добродѣтель, всегда бы сталъ меня мучить при видѣ моей жены.“

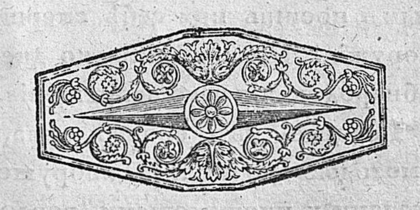
Д. К.

БЛАГОДАРНЫЙ СЛОНЪ.

Въ Асмарѣ, одномъ Индѣйскомъ городѣ, слонъ привыкъ, будучи проводимъ по рынку, получать каждый разъ отъ одной торговки полную горсть разной зелени. Въ одно время, разсерженный жестокими поступками своего проводника, слонъ вырвался у него, прогналъ всѣхъ людей съ рынку, даже и та женщина искала своего спасенія въ бѣгствѣ, забывъ отъ страха взять съ собою маленькую четырехлѣтнюю дочь, сидѣвшую подлѣ ея товара.

Слонъ, знавшій очень хорошо то мѣсто, гдѣ обыкновенно сиживала его благодѣтельница, осторожно взялъ дѣвочку своимъ хоботомъ, отнесъ ее къ сторонѣ, и потихоньку положилъ на кровлю мѣлочной лавки.

Съ Нѣмец. *Г. К—въ.*

ШУТКА ЗА ШУТКУ.

(Историческій анекдотъ).

Герцогъ Оссуна, Вице-Король Неаполитанскій, *желая отвратить частыя убивства,* запретилъ, подъ опасеніемъ смертной казни, своимъ подданнымъ носить при себѣ смертоносныя оружія. Чрезъ нѣсколько дней послѣ обнародованія сего запрещенія, увидѣлъ Герцогъ изъ своего окна, что два молодые модника, вооруженные кинжалами и пистолетами, гордо прохаживались по дворцовой площади.

Герцогъ немедленно велѣлъ ихъ позвать къ себѣ, и въ пылу своего гнѣва, строго выговаривалъ имъ за нарушеніе закона.

„Но, Ваше Высочество,“ говорили молодые модники, „не благоугодно ли вамъ будетъ приказать точнѣе освидѣтельствовать наше оружіе? эти пистолеты изъ дерева, а эти кинжалы изъ картону. Мы взяли ихъ для шутки, для смѣху! по чести для шутки!“

„Вѣрю, вѣрю! воскликнулъ Герцогъ. Вы конечно знали, что я большой охотникъ до шутокъ! благодарю за доставленное мнѣ удовольствіе, но я

не останусь въ долгу, и сей же часъ заплачу вамъ тою же монетою.

Онъ позвонилъ. Дежурный пажъ явился. Герцогъ приказалъ принести розогъ, и растянувъ на скамѣ обоихъ модниковъ, посѣкъ ихъ препорядочно. Когда кончилось наказаніе, Герцогъ далъ имъ по конфекту и отпустилъ съ сими словами: „вотъ вамъ, дѣти мои, полакомтесь и перестаньте плакать; ступайте потихоньку домой и кланяйтесь своимъ родителямъ. Мы славно поиграли; конечно, вы еще глупые не знаете, что значитъ нарушать законъ; но теперь, кажется, я

растолковалъ вамъ это. Пожалуйста, будьте впередъ осторожнѣе и не играйте смертоносным оружіемъ.“

Изъ Беккерова Альманаха Ѳ. Суровцовъ.

ПОПУГАЙ.

(Съ картинкою).

La critique est aisée, mais
l'art est difficile. Boileau.

Большій, зеленый по породѣ,
Изъ клѣтки попугай однажды улетѣлъ.
Свисталъ летая на свободѣ
И отдохнуть въ сосѣднемъ садѣ сѣлъ....
Тамъ были жаворонки,
Овсянки, соловьи,
Съ Канарскихъ острововъ прекрасныя знакомки
И прочія пернатыя семьи
Въ сѣни деревъ сидѣли.

Свистунъ видъ принялъ знатока;
Сперва было слегка
Онъ началъ разсуждать, какъ эти пташки
пѣли;
Но видя скромность ихъ, онъ болѣе хулилъ,
И наконецъ онъ этимъ повершилъ:—
Когда бы соловей не дѣлалъ много трелей,
Да болѣе трещалъ, да болѣе свисталъ,
То хорошо бы пѣлъ;—
Овсянка же не стоитъ и вниманья,
Какъ пошлыя поэтовъ восклицанья.....
Вотъ жавронокъ изрядненько поетъ—
Да вотъ бѣда: ужь слишкомъ тихо, томно;
Невольно скуку наведетъ,
Какъ горестный пѣвецъ преплаксивый и
бездомный!...
Канарушка хотя и одноземка мнѣ,
При томъ со мной въ роднѣ;

Но, грѣхъ, не ушаю: ей надобно ученье....
И словомъ, никому онъ не далъ одобренья.—
И началъ самъ свисшашь, и до шого сви-
стaлъ,
Что всѣ пернашые замолкнувъ, разлешѣ-
лись....
Послушай, злой судья, (шакъ жаворонокъ
говорилъ)
Пропой чшо нибудь, послушашь захошѣ-
лось
Намъ самаго шебя!... начни.....
Ну, въ эшомъ шы меня пожалуй извини:
Я шолько лишь свищу, а пѣшь я не умѣю!
—Легко бышь кришикомъ-судьею!...